

— Разве это нормально?

Мужчина средних лет пробормотал:

— В империи проживает больше трех миллиардов человек, и лишь один из десяти тысяч счастливицов рождается со способностями к магии. А из этих магов едва ли семь процентов умудряются дорасти до звания великого магистра магии. Те же, кому это удастся, должны выплатить королевской казне гору золотых монет, чтобы получить хотя бы самый скромный дворянский титул...

Ся Пэньюэ не выдержал и с силой провел ладонью по лицу:

— Если это нормально, то как назвать мои тщетные попытки? Я медитирую уже столько дней и до сих пор даже порога не переступил!

Затем, словно что-то вспомнив, он уставился на Чи Сянь и со вздохом покачал головой:

— Теперь мне наконец понятно, почему магические элементы ветра от вас так без ума. Они ведь дошли до того, что предали собственных собратьев — помогали вам похищать элементы других стихий.

— ... М-м? — приподнял бровь Чи Сянь.

— Потому что понты подобны ветру — они всегда с вами! — в сердцах выпалил Ся Пэньюэ. — Если рассуждать логически, то вы, считай, и есть само воплощение бури!

Чи Сянь лишь молча покачал головой.

Он ведь даже не пытался бахвалиться.

Как объяснить этим людям, что он — некогда вознесшийся Патриарх? Восемьсот лет упорного совершенствования не проходят бесследно. Вполне естественно, что даже в чуждом мире его духовный рост шел семимильными шагами.

Но делиться этим секретом он, разумеется, не планировал.

В этот момент молодой человек наконец опомнился.

— Ты... ты посмел напасть на рыцарей ордена?!

Лицо доносчика мгновенно побелело.

Пазл сошелся сам собой. Раз этот чужак без колебаний пролил кровь храмовников, значит, он точно приспешник Церкви Тьмы! Сам того не ведая, парень случайно попал в цель, раскрыв «истинное» лицо Чи Сяня.

Остальные свидетели тоже оцепенели от пришедшего осознания.

Лица старосты Кельта и его людей исказились от ужаса.

Вмешательство Чи Сяня спасло им жизнь, но одновременно с этим вынесло окончательный приговор. Теперь их вина в глазах Храма Светлого Бога была неопровержима.

И это еще не все.

Они невольно перевели взгляды на крестьян из соседних деревень, среди которых были и жители Деревни Пяти Рыбаков.

Предчувствие их не обмануло: в глазах пришлых зарождалась слепая злоба. Те без тени сомнений поверили крикам доносчика. В их глазах Чи Сянь действительно был чернокнижником, а раз наводнение свирепых зверей случилось из-за него, значит, жители Тахэ, вступив в сговор с силами тьмы, навлекли кару Бога Света.

Но прежде чем жители Тахэ успели вымолвить слово, молодой заводила со своими друзьями рухнули на колени.

Они захлебывались слезами и соплями:

— Господин, пощадите! Нас бес попутал, мы все осознали!

— Мы больше слова не скажем про холодные дома и дырявые одеяла! Не губите, это все по глупости!

С этими воплями они принялись иступленно хлестать себя по щекам. От яростных ударов лица их мгновенно распухли.

Осознав, что Чи Сянь непреклонен, они на коленях поползли к старосте:

— Дядя Кельт, мы ведь все дети Горного хребта Кастар! Наши деревни веками жили бок о бок! Умоляю, замолви за нас словечко перед господином, умоляю!..

Какая потрясающая гибкость спины перед лицом неминуемой смерти.

Но Ся Пэньюэ лишь злорадно усмехнулся:

— Значит, из-за такой копеечной обиды ты побежал доносить? А теперь скулишь о соседстве? Почему ты не вспомнил о вековых узах, когда обрекал нас на плаху?!

Из-за этой падали их раскрыли. Все колоссальные труды последних недель пошли прахом. Под ударом оказалась безопасность нескольких сотен мирных жителей Тахэ.

Для них, землян, это было полбеды: они могли в любой момент вернуться на Землю и больше никогда не ступать на континент Аос. Но куда деваться местным? На Аосе нет мест, скрытых от взора Храма Светлого Бога — в каждом захудалом городишке высится шпиль церкви.

Секундное колебание на лице Кельта бесследно исчезло. Он холодно оттолкнул цепкие пальцы просителя.

— Я ведь предупреждал вас, — негромко произнес староста. — Дело не в моей скупости. И дома, в которых мы живем, и одежда на наших плечах — все это предоставили господин Чи Сянь и его соратники. Я просто не имел права распоряжаться чужим имуществом...

Ся Пэньюэ повернулся к Патриарху:

— Брат Чи, что нам теперь делать?

Все взоры скрестились на Чи Сяне. Смолкли даже причитания обреченных.

Чи Сянь равнодушно окинул взглядом предателей, затем скользнул взором по едва дышащим рыцарям на земле. Ни тени сомнения не отразилось на его лице.

— Техника быстрого ветра!

В то же мгновение разбросанные по земле копья взмыли в воздух, подхваченные яростными завихрениями ураганных потоков.

Острия повернулись, нацелившись на перепуганных заговорщиков и поверженных рыцарей.

Прежде чем кто-то успел сделать вдох, стальные лезвия сорвались с места. Сила удара отшвырнула тела назад. Под глухой, частый стук они, как и храмовники, мгновенно превратились в решето. Никто из них не успел издать даже предсмертного хрипа.

Брызнувшая фонтаном кровь окропила лица тех, кто стоял слишком близко.

Над поляной повисла мертвая тишина. Лишь мерзкий, влажный звук разрываемой плоти эхом отдавался в ушах застывших людей.

Спустя долгие полминуты люди, глядя на остекленевшие глаза убитых и вдыхая густой, приторный запах свежей крови, с трудом сглотнули.

Чэнь Тайнин, так и не вытерев слезы, осел на землю — ноги его окончательно ослабли.

Конечно, земные богачи презирали доносчиков до глубины души. Но одно дело — желать подлецам сурового урока, и совсем другое — за секунду выкосить толпу людей. Изнеженные парни из мирного времени, не знавшие истинных лишений, никогда не видели настолько будничной и беспощадной расправы.

Им не укладывалось в голову, как Чи Сянь может вот так просто, мимоходом, вычеркнуть из жизни сорок с лишним человек. Будто это были не живые души, а десяток куриц.

— Сожгите тела, — раздался обыденный голос Чи Сяня. — Если спросят, говорите, что в Тахэ они и не появлялись.

Поверит ли Церковь? Храмовники падки на золото, так что с ними наверняка можно договориться. Вопрос лишь в том, где раздобыть такую гору денег.

Не дождавшись ответа от застывших соратников, Чи Сянь повернул к ним голову.

Ся Пэньюэ и остальные судорожно сглотнули и поспешно закивали:

— Да, сейчас все сделаем.

Только сейчас до Патриарха дошло, что его привычные по меркам мира совершенствующихся методы здесь выглядели диким, первобытным варварством.

Он слегка смягчил тон и пояснил:

— Я убрал их не только ради мести. Поймите: если бы мы проявили жалость, рыцари вряд ли ответили бы тем же. Они уже заклемили нас приспешниками Церкви Тьмы. Вернись они в Кастар, подняли бы по тревоге гарнизон и стерли бы Тахэ с лица земли. Вот тогда нам бы точно пришел конец.

— Да, все верно... — закивали ребята.

Страх постепенно уступал место трезвой логике. Они ведь не собирались предавать Чи Сяня,

так чего им бояться?

Цао Ян попытался поднять Чэнь Тайнина за локоть. Однако у того так подкосились колени, что он едва не утянул спасителя вслед за собой в грязь.

Кое-как справившись с паникой, парни начали собираться с мыслями.

— Мы... мы займемся телами.

Они понимали: если они хотят выжить в этом мире, им придется привыкнуть к виду пролитой крови.

Впрочем, их взгляд тут же наткнулся на пришлых крестьян, чьи колени ходили ходуном от ужаса.

И тут до землян дошло еще одно страшное обстоятельство.

Сами они прекрасно знали, что не служат силам зла. Но для чужаков картина выглядела однозначно. В их глазах Чи Сянь отныне был стопроцентным темным колдуном — ведь он только что безжалостно вырезал целый карательный отряд!

Что, если эти бедолаги тоже бросятся доносить, едва покинув пределы деревни?

Неужели придется вырезать всех свидетелей?

Но это уже не сорок человек. Здесь их больше четырех сотен!

Но прежде чем они успели в панике обернуться к Чи Сяню, толпа пришлых во главе со старостой Деревни Пяти Рыбаков разом повалилась в пыль.

— Туда им и дорога! Туда и дорога! — возопил перепуганный староста, отчаянно кланяясь. — Собакам — собачья смерть, господин чернок... господин великий маг! Поделом предателям за черную неблагодарность!

— Мы вовек не забудем вашей милости! Позвольте нам отслужить вам верой и правдой!

— Клянемся, ни одна душа в Кастаре не узнает о том, что здесь случилось! А если кто проболтается — пускай того гром поразит на месте! Пощадите, господин!

— Господин...

Чи Сянь промолчал.

Ся Пэньюэ и остальные только лишились дара речи от такого зрелища.

Причина столь пылкого раболепия лежала на поверхности: произнося клятвы верности, крестьяне не сводили испуганных глаз со свежих трупов.

Особенно комично смотрелся староста Деревни Пяти Рыбаков: он выдавал очередное заверение в преданности, мельком косился на пробитый копьем череп соседа и тут же заходилась мелкой дрожью.

Эффект превзошел все ожидания.

И в этой напряженной тишине со стороны входа раздался негромкий смешок.

Ся Пэньюэ и его товарищи резко обернулись на звук.

Там, прислонившись плечом к дверному косяку, стоял Шастер.

Он сменил дорожные обноски на ладный синий полукафтан, стянутый на талии широким поясом, на котором покоились ножны длинного меча. На ногах его красовались новые армейские сапоги с высоким голенищем.

Едва скользнув взглядом по юноше, Кельт оцепенел.

Кельт не переводил безумный взор с окровавленных мертвецов на льдисто-синие глаза Шастера, удивительно гармонирующие с его одеянием. Старосту заколотило так, будто на него вылили ушат ледяной воды.

— Го... господин городской глава! — выдавил он пересохшими губами.

Кельт наконец вспомнил, почему этот юноша казался ему настолько знакомым.

Именно в этой форме тот предстал перед народом два месяца назад на торжественной церемонии вступления в должность градоправителя Кастара.

По иронии судьбы, в то время кастарские аристократы возомнили, будто лишенный статуса кронпринца Шастер — всего лишь всеми покинутый калека. Император официально объявил его бастардом, прижитым покойной императрицей от тайного любовника. К тому же в битве за Ланпин три месяца назад Шастер угодил в коварную засаду короля зверей, получил тяжелейшие раны и растерял былую мощь, скатившись с уровня великого магистра магии до

заурядного мага среднего уровня. Епископ Карон лично вынес вердикт: вернуть прежнюю силу юноша никогда не сможет.

Окрыленные этим, дворяне решили подослать наемников под видом лазутчиков-зверолюдей, чтобы окончательно искалечить Шастера, превратить в послушную марионетку и прибрать к рукам власть над городом.

Но финал их заговора оказался в точности таким же, как у здешних доносчиков.

Даже куда более кровавым. Поговаривали, что чиновникам ратуши пришлось нанять больше двух десятков чернорабочих, которые целый день отмывали плиты центральной площади от багровых рек.

И Кельт тогда находился среди безмолвной толпы, в ужасе наблюдавшей за казнью.

Градоправитель?

Ни у кого не возникло сомнений, о каком именно городе шла речь.

Ся Пэньюэ и остальные онемели.

То есть... они прямо на глазах у всемогущего правителя Кастара вырезали целый отряд храмовых рыцарей, а затем принялись деловито обсуждать, как бы понадежнее избавиться от улики?

<http://bllate.org/book/20654/2140837>